УДК 11

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ МЕТАФИЗИКИ: ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

(рецензия на монографию С.А. Нижникова, И.В. Гребешева Генезис и развитие метафизической мысли в России. М.: Руниверс, 2016. 504 с.)

Лагунов Алексей Александрович,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Гуманитарный институт,
профессор кафедры социальной философии и этнологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Ставрополь, Россия.
E-mail: emaillag@mail.ru

Аннотация
Произведен анализ монографии С.А. Нижникова, И.В. Гребешева «Генезис и развитие метафизической мысли в России». Отмечена значимость изучения, становления и развития метафизической мысли в России, его историко-философская и общественная актуальность.

Ключевые понятия:
метафизика,
диалектика,
материализм,
вера,
всеединство.

Четверть века понадобилось отечественной философской мысли для того, чтобы преодолеть два устойчивых заблуждения, сформировавшихся за долгие десятилетия господства коммунистической идеологии и марксистско-ленинской мировоззренческой теории. Возникновение первого из них может быть объяснено самоуничижительным характером российского менталитета, довлеющей в нем ложной скромностью, с необходимостью вызывающей противоестественное преклонение перед всем чужим. Как же иначе объяснить некогда упорно аргументируемые утверждения о том, что, во-первых, в России философия сформировалась поздно, только в XIX в., при непосредственном влиянии западной когнитивной традиции, и, во-вторых, если и есть такой специфический феномен, как русская философия, то носит он всецело подражательный характер, и интерес к особенным «деталям» оправдан только в сугубо историко-философских и культурологических штудиях? А ведь «к концу XIX века возобладало мнение, что в России вообще нет философии, что "русский ум не расположен к философским мудрованиям", а начатки философской культуры всецело привнесены с Запада, то есть заимствованы» [2, с. 6]. Сегодня такая аргументация режет исследовательский «слух», но вспомним, что еще вчера она принималась, более того, понималась в качестве строго научной, другие мнения при этом зачастую игнорировались, а актуальность изучения влияния огромного пласта отечественной духовной культуры на современность отрицалась вовсе.

Другим, пожалуй, не окончательно преодоленным сегодня заблуждением, является методологически неверное понимание метафизики. В современной отечественной философской мысли еще нередко наблюдаются эксцессы непонимания и умаления всемирного значения русской философии, определяющей характеристикой которой является именно ее метафизичность. Однако, как представляется, утверждение в свое время метафизики в качестве антипода диалектики было досадной исторической ошибкой, допущенной вопреки тому очевидному факту, что принципиального противоречия между метафизикой и диалектикой в истории философии никогда и не было, напротив, они взаимно дополняли друг друга. Метафизические умозрения были необходимы для построения первичных онтологических оснований философских систем; диалектика

же являлась универсальным методом гносеологии. И только когда диалектическую методологию онтологизировали, между метафизикой и диалектикой действительно возникли непримиримые противоречия, требующие устранения как идеологически невыдержанных метафизических учений, так и самого термина, который часто употреблялся в качестве синонима философии. Следует отметить, что употреблялся вполне обоснованно. Возможно, переиздавая труды Аристотеля, Андроник Родосский применил новый термин и чисто технически («после "Физики"»), но с тех пор метафизическое беспокойство стало неотъемлемой частью всякого философского учения, невозможного без установления первопринципов бытия, которые только вероятны, поскольку находятся за пределами доступного человеку опыта, а потому эмпирически недоказуемы. Отрицая метафизику, апологеты диалектического материализма далеко от нее не ушли, они сформировали собственное, глубоко метафизическое понимание бытия, и еще неизвестно, кто же на самом деле перевернул философию «с ног на голову». Во всяком случае правомерна констатация несоизмеримо большей обоснованности разнообразных идеалистических философских конструкций в сравнении с материалистической, не просто останавливающейся перед «вечными» смысложизненными вопросами, а практически полностью игнорирующей их.

Таким образом, исторического развенчивания метафизики не состоялось. Напротив, все более частое, порою и не к месту, употребление этого термина в гуманитарных науках, казалось бы, свидетельствует о скором «метафизическом триумфе». Но стоит ли возлагать на него большие надежды? Ведь метафизика – это не совокупность точных ответов на поставленные вопросы, четких научных дефиниций и доказательных выводов. Это скорее вопрошание бытия, основывающееся на вере. На какой? Вот именно здесь и пролегает водораздел между различными метафизическими системами. Можно придумать новую веру, но это неэффективно и кратковременно, как свидетельствует нам история, а можно опереться на старую, несколько подзабытую, но все еще авторитетную. Именно последним путем шли представители русской религиозной метафизики, направления, являющегося, пожалуй, единственным в отечественной философии, в рамках которого создавались самобытные философские системы. Конечно, можно и нужно спорить как о достоинствах, так и о недостатках этих систем, тем более что после создания многих из них прошло уже более столетия. Разумеется, нельзя утверждать о завершенности какой-либо из систем, да и говорить о самой возможности такой завершенности, по-видимому, неправомерно. Философия живет и действует до тех пор, пока она развивается, и вполне обоснованны упреки в догматизме по поводу учений как материалистических, так и идеалистических, отказавшихся от дальнейшего своего развития в связи с открытием ими якобы единственно истинных и непогрешимо-авторитетных принципов.

Сегодня вполне уместно и актуально вести речь не только о возрождении традиций отечественного философствования, но и о развитии последнего. Для этого необходимо скрупулезное исследование русской метафизики, проведение беспристрастного историко-философского и глубокого проблемного анализа ее генезиса и развития, с чем мы встречаемся в монографии С.А. Нижникова и И.В. Гребешева. Об этом свидетельствуют соответствующие параграфы, такие как «Метафизика самопознания Г.С. Сковороды», «Славянофилы и Чаадаев», «Христианский реализм Ф. Достоевского», «Философия всеединства Вл. Соловьева», «Метафизика веры в русской философии», «Метафизика "нового религиозного сознания" и ее политические последствия», «Персонализм в русском неолейбницианстве» и др.). При этом, по мнению авторов, «центральное русло» русской метафизики «развивалось в соответствии с традицией всеединства, основу которой заложил Вл. Соловьев, хотя истоки ее находятся еще в античности» [2, с. 466].

В ходе ознакомления с монографией становится ясным: русские метафизики отчетливо осознавали, что сущностной основой философствования должно стать мировоззрение, основанное на вере, но вот по поводу понимания последней между ними разгорались жаркие споры, не способствовавшие консолидации. Действительной целью всякого настоящего философствования является поиск истины, движение к которой всегда сопряжено с пересмотром утвердившихся ранее мнений, пусть и весьма авторитетных: «Метафизика демифологизирует и углубляет понятие веры, – констатируют авторы монографии, – поэтому *вера* в метафизике веры не тождественна *вере* в религии, хотя и ни в коей мере ей не противостоит» [2, с. 280]. Но далеко не все

представители русской метафизики осознавали принципиальное различие между неизменяемым догматом и открытым для обсуждения теологуменом, отсюда вытекает обвинение их в еретических уклонах и протестантских искусах. Но слишком уж вопрошающая, устремленная в запредельность природа у человека, не желающего ограничиваться познанием мира только в реально осязаемой чувствами области, слишком велика его любознательность.

Авторы монографии справедливо констатируют, что метафизика в качестве действенного инструмента познания избирает не только разум, опирающийся на эмпирию, но и веру, постулаты которой основываются на интуиции, откровении, и которая не ограничивается рациональными обоснованиями и доказательствами. Но задумаемся: значит ли это, что метафизика является ненаучным феноменом? Если да, то будет ли в таком случае какое-нибудь знание человека в любой области его познавательной деятельности научным в строгом смысле, доказанным в своих последних основаниях? Вполне очевидно, что такого знания у человечества не было и нет, поэтому не стоит скоропалительно соглашаться с позитивистски настроенными мыслителями, строгой демаркации научного и вненаучного у которых так и не получилось. Даже больше того, стремясь позитивно «онаучить» саму философию, они лишили ее всех мыслимых оснований и оставили ей зачастую даже оспариваемый методологический статус, ограничив необъятные ранее общественно-полезные функции исполнением роли логической связки в «истинно» научных предложениях. Поэтому сегодня речь должна вестись ни много ни мало об оправдании не только метафизики, но и философии (если эти понятия действительно не являются тождественными, как считали в старину), о возвращении ей былого статуса в нашем индивидуализирующемся и релятивизирующемся обществе [1, с. 153].

Через всю монографию лейтмотивом проходит утверждение: у философа вера должна быть разумной, а разум – верующ. Собственно говоря, так должно обстоять дело у всякого исследователя, но в философской области – в особенности. Единство верящего разума и разумной веры было характерным для лучших представителей русской мысли. И несмотря на то, что при различии мировоззренческих взглядов у них также далеко не всегда достигалось единство и в теории (не говоря уже о практике), хронически страдающей или общественно-историческим утопизмом, или эсхатологической асоциальностью, говорить об отсутствии эвристического потенциала этой философии будет, по крайней мере, преувеличением.

В монографии уделяется значительное внимание и другим направлениям развития философии (параграфы «А.И. Герцен как разочарованный западник», «Развитие материалистических и революционных идей в России XIX века», «Метафизика и этика в мировоззрении К.Э. Циолковского», «Интерпретация творчества Канта в отечественной мысли», «Преобразование метафизики в творчестве М.К. Мамардашвили», «Персоналистическая философия образования С.И. Гессена», «Философия воспитания и образования М.М. Рубинштейна» и др.), которая также носит в российской традиции зачастую умозрительный и метафизический характер, поскольку сохраняет в себе интенцию к постижению не только фактов социальной и природной жизни, но и их смысла. По существу, «в России и сам афеизм по-своему религиозен, сам позитивизм метафизичен» [3, с. 207], – цитируют авторы рецензируемой монографии П.А. Флоренского и показывают в ходе проведения обстоятельного исследования на конкретных примерах, что: «Русская метафизика с момента своего возникновения и в процессе всего развития сохраняла и развивала в себе свою сущность – высокую метафизику» [2, с. 496].

Монография насыщена историко-философским и проблемным материалом, что обусловливается объемностью ее предмета, и даже краткий разбор всех конкретных тезисов, которые свидетельствуют о несомненной научной новизне исследования, составил бы еще одну небольшую монографию, в связи с чем это, нужно подчеркнуть, очень увлекательное занятие мы предоставляем читателю. Авторы исследования введут его в круг разнообразной и зачастую противоречивой проблематики, в мир живых, не теряющих своей актуальности религиозных, философских, научных идей, смысложизненных вопросов и множества вариантов ответов на них. Как и в любом другом философском направлении, здесь можно найти и положительные, и отрицательные стороны, именно поэтому проблемный подход, избранный авторами, позволяет им «отделить ценное и непреходящее в работах русских философов от того, что в них порождено злобой дня, пристрастиями и увлечениями» [2, с. 497].

Философские идеи и системы, представленные в рецензируемой монографии, изложены лаконично – кратко, но по существу; при этом не навязываются какие-либо стереотипы их восприятия, напротив, приводятся разносторонние оценки творчества мыслителей, что позволяет читателям проявить самостоятельность в его анализе.

«Всему свое время... время насаждать, и время вырывать посаженное;... время разрушать, и время строить;... время разбрасывать камни, и время собирать камни...» (Еккл. 3:1–5). Кажется, проходит пора идеологических гонений на русскую метафизику, и наступает время насаждать, отстраивать и собирать то, что было создано в ней. Внимательное прочтение рецензируемой монографии не оставляет сомнения в том, что в русской метафизике «встречаются культуры Запада и Востока, и отечественные мыслители... синтезируют это многообразие философских и духовных течений и достижений» [2, с. 4]. И эта историко-философская заданность, с одной стороны, определяет проблемное поле для исследовательской деятельности наших современников, с другой же – является той точкой опоры, фундаментом, почвой, с помощью которых они смогут при желании придать обоснованный, доказательный характер своей философской рефлексии.

1. Душина, Т.В., Лагунов, А.А. За пределами социального опыта [Текст] / Т.В. Душина, А.А. Лагунов. Ставрополь: СевКавГТУ, 2012. 308 с.

2. Нижников, С.А., Гребешев, И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России [Текст] / С.А. Нижников, И.В. Гребешев. М.: Руниверс, 2016. 504 с.

3. Флоренский, П.А. К почести вышняго знания [Текст] / П.А. Флоренский // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во «Мысль», 1994. С. 205–226.

References

1. Dushina T.V., Lagunov A.A. (2012) Za predelami social'nogo opyta. Stavropol': SevKavGTU, 308 p. [in Rus].

2. Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V. (2016) Genezis i razvitie metafizicheskoj mysli v Rossii. Moscow: Runivers, 504 p. [in Rus].

3. Florenskij P.A. (1994) K pochesti vyshnjago znanija // Sochinenija. V 4 t. T. 1. Moscow: Izd-vo «Mysl'», pp. 205–226. [in Rus].

UDC 11

PROBLEMS OF RUSSIAN METAPHYSICS: IT'S TIME TO GATHER STONES. Review on the monography by S.A. Nizhnikov, I.V. Grebeshev «Genesis and development of metaphysical thought in Russia» (M.: Runivers, 2016. – 504 p.)

Lagunov Alexey Aleksandrovich,
North-Caucasus Federal University, Institute of Humanities,
Professor of the Department Chair of Social Philosophy and Ethnology,
Doctor of Philosophy, Professor,
Stavropol, Russia.
E-mail: emaillag@mail.ru

Annotation
The author makes a review on the monography by Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V. "Genesis and development of metaphysical thought in Russia". The author states the importance of studying the formation and development of metaphysical thought in Russia, its historical, philosophical and social topicality.

key concepts:
metaphysics,
dialectics,
materialism,
belief,
unitotality.